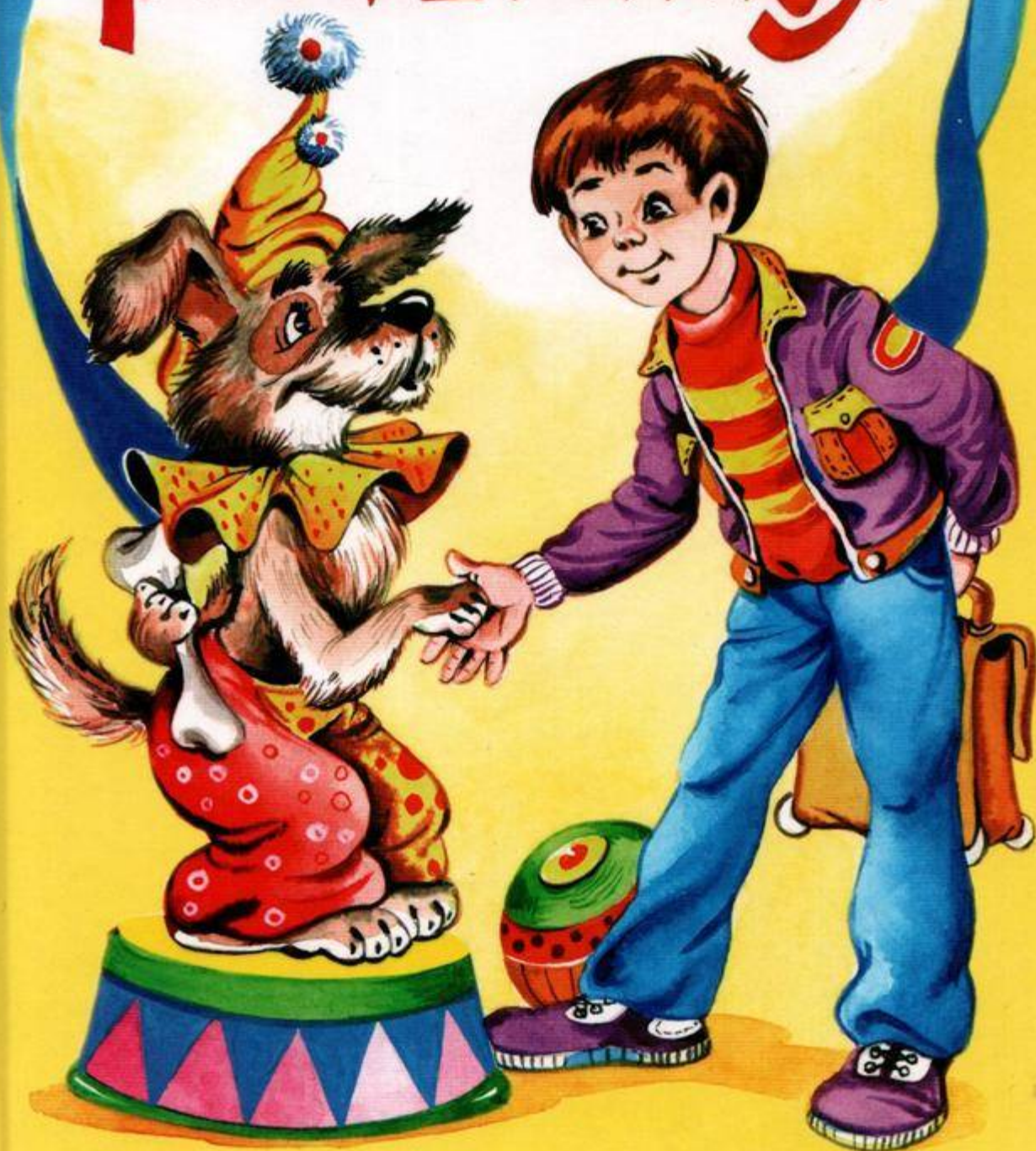

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Виктор Драгунский

ДЕНИСКА РАЗМЕЧТАЛСЯ

Виктор Драгунский

ДЕНИСКА РАЗМЕЧУТАЛСЯ

ХУДОЖНИК
А. ШАХТЕЛДАН

«МИР «ИСКАТЕЛЯ»

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Утро

Когда наступило Первое сентября, я встал ещё ночью. Потому что я боялся проспать. Все ещё спали. Я долго лежал с открытыми глазами. Лежал, лежал и чуть снова не заснул. Но тут проснулась мама. Она стала гладить мою чистую рубашку.

Я поскорее вскочил и стал одеваться. Когда папа увидел меня в новой фуражке, он сказал:

— Прямо настоящий генерал.

У школы

Возле школы стояла толпа ребят. Тысяч сто. У всех в руках были цветы. Мамы, папы и бабушки стояли в сторонке. Дети галдели каждый своё. Я встал в пару с одним мальчишкой. Он был очень красивый. Весь в веснушках. Рот до ушей.

Вещи

Мне для школы купили много новеньких вещей. Ранец, тетрадки, карандаши, ручку, перьев целую коробочку. Ещё пенал и ластик. Пенал очень красивый, весь блестит. Я его понюхал, пахнет леденцами. Лизнул, оказывается, кисло. Невозможно есть.

Школьные слова

Я, когда не учился, совсем глупый был. Я знал очень мало слов. Например, я знал слова: мама, папа, чур не я, в лесу родилась ёлочка. И ещё знал слов девять или десять. А в школе всё новые слова: доска, мел, учитель, класс, парта, звонок, перемена, горячий завтрак! Это очень интересно!

Семья

У меня слишком маленькая семья. Папа, мама и я. Это потому, что я сам ещё маленький. А стану большой, и семья у меня станет

большая: папа, мама, дедушка, бабушка, сестра, брат, сынок, дочка и четверо внучат.

Учительница

Учительница пришла в класс. Она сказала:
— Здравствуйте, дети! Будем друзьями. Давайте знакомиться. Меня зовут Ксения Алексеевна.

Я сказал:

— А меня зовут Денисом.

Учительница сказала:

— Очень приятно.

А другие ребята закричали:

— А меня зовут Маша!

— А я Миша!

— А я Толя!

— Петя!

— Вася!

Учительница сказала:

— Вот и хорошо! Я вас всех буду называть по именам. А вы как меня будете называть?

Толя встал и сказал:

— Мы вас будем называть Се-Севна.

А учительница засмеялась:

— Вот и неправильно! Надо говорить чётко и ясно: Ксения Алексеевна. Поняли?

Писатель

На второй урок к нам пришёл писатель. Он был весёлый и читал весёлые рассказы.

Он сочиняет их сам. Для детей. Чтобы они смеялись. Потому что смеяться полезно для здоровья. Мы все хлопали после каждого рассказа. И кричали:

— Ещё!

— Ещё!

— Е-щё!

Потому что нам очень понравились его рассказы. Он всё может написать. И пока он читал, я сочинил стихи.

Я встал и сказал:

— Я сочинил для вас стихи!

Он сказал:

— Прочитай, пожалуйста!

И я громко прочитал:

— Стихи.

Напишите нам рассказ,

Про Чапаева рассказ!

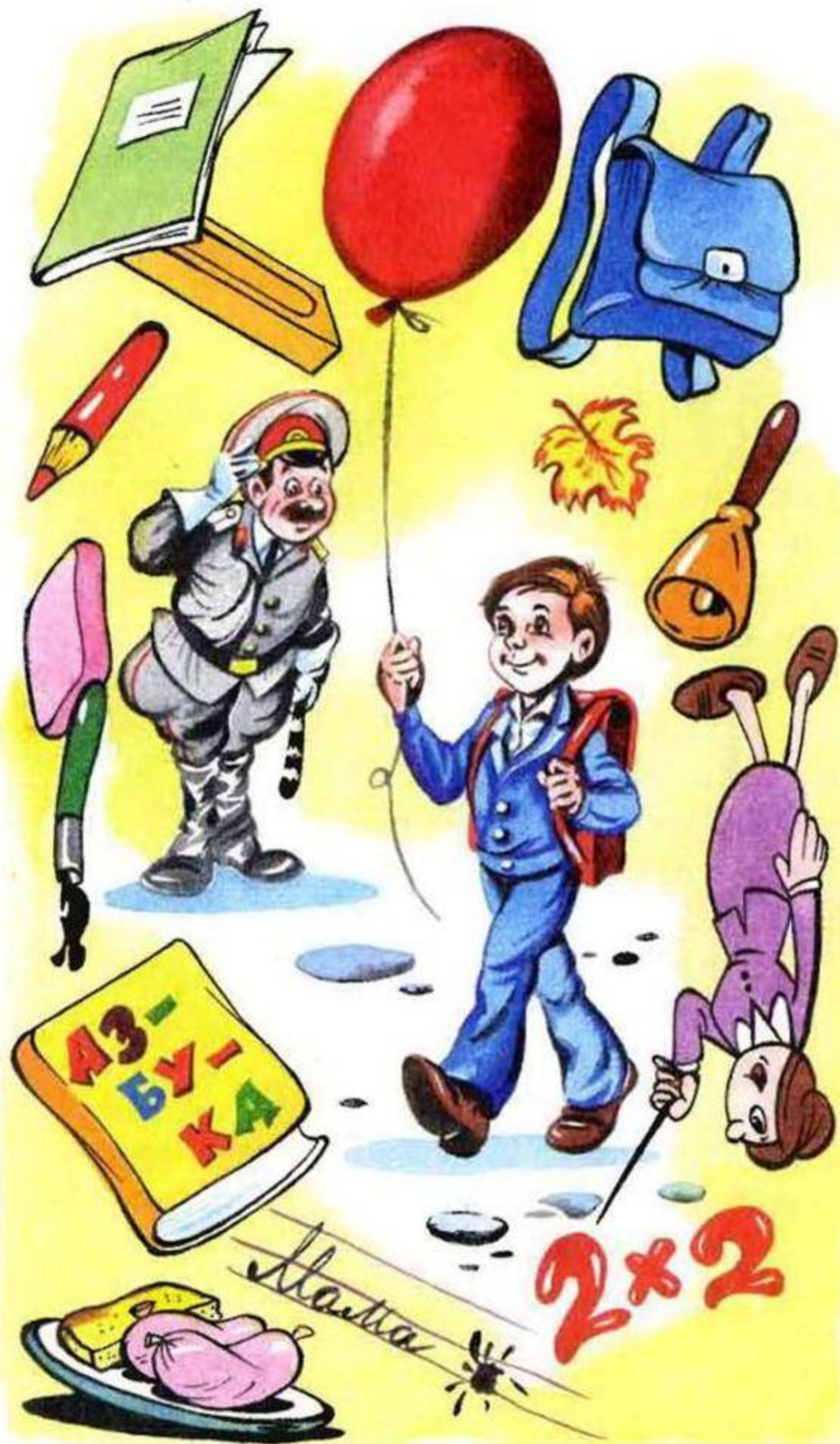
Конец.

Он сказал:

— Хорошие какие стихи!

Улетает шарик

Потом уроки кончились, и я пошёл домой. У школы меня встретила мама. Она подарила мне красный шарик на ниточке. На улице было очень красиво. На деревьях висели жёлтые листья. Люди были все весёлые. Милиционер показывал машинам, куда ехать. Он был в белых перчат-

ках. Мой шарик всё тянулся кверху, дёргал ниточку, как живой. Я его выпустил. Он полетел. Я задрал голову и глядел, как в синее-синее небо улетает красный шарик.

Уроки

Ксения Алексеевна задала нам на дом уроки. Написать четыре палочки. Я дома взял тетрадку и написал. Сначала у меня получилось, что палочки ползут косо вниз. Тогда я решил переписать. Получилось ещё хуже. Теперь палочки полезли косо вверх. Мама посмотрела и сказала:

— У тебя плохой почерк. Ничего не поймёшь. Просто каля-маля. Ты пиши как следует. Ты совсем не стараешься. Постарайся.

Я снова сел писать. Мама сказала:

— А зачем же ты язык высунул на полметра?

Я сказал:

— Это я стараюсь!

Завтра в школу

А потом я играл во дворе. Я долго играл. Наконец мама выглянула в окошко и позвала:

— Денис! Иди ужинать.

Я пошёл домой. На ужин я поел хлеба с маслом и чаю с молоком. Потом я стал раздеваться. Папа спросил:

— Ты что, спать захотел? Почему ложишься?

Я сказал:

— Завтра в школу! Пора!

Он улыбнулся:

— Ещё рано, семь часов. Не бойся, успеешь выспаться.

Я ему сказал:

— Я так рано ложусь спать, потому что хочу, чтобы поскорее наступило завтра. Я буду быстро спать!

Он засмеялся и сказал:

— Ну, тогда спокойной ночи!

Перед сном

Я лежал в постели и всё старался уснуть. Но сон ко мне не шёл. Я всё думал, что вот я учусь и скоро буду совсем грамотный. Сначала я выучу весь букварь. Буквы от А до Я. А потом выучу все слоги. Ма-а. Ма. Ме-у. Му. Ме-я. И этак через полгодика мы пойдём с папой гулять. Я сначала буду молчать, а потом погляжу на вывеску и скажу ни с того ни с сего:

— Яйца, масло, молоко.

Папа скажет:

— Что, проголодался? Есть захотел?

А я скажу:

— Да нет, просто я прочитал. Вон, на вывеске написано!

Тут папа скажет:

— Ого! Сам прочитал?

Я скажу:

— Угу. А всего шесть лет.

Тогда папа скажет:

— Как приятно идти по улице с образованным человеком!

СЕСТРА МОЯ КСЕНИЯ

Один раз был обыкновенный день. Я пришёл из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

— Скучаешь?

Я ответил:

— Да нет... Так... А когда же наконец мама приедет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

— Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками.

Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

— А в чём дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издалека и объявил:

— Через час мама приезжает! Вот теле-

грамма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу её встречать, а ты прибери комнату и дожидайся нас! Договорились?

Я мигом соскочил с окна:

— Конечно, договорились! Урра! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Минута — и готово! Наведу шик и блеск! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал — это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина — называется штиль, а мы, матросы, делаем своё дело.

— Раз, два! Ширк-шарк! Стулья, по местам! Смирно стоять! Веник-совок! Подметать — живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас же! Так! Обед! Слушай мою команду! На плиту, справа по одному (повзводно), кастрюля за сковородкой, — становись! Раз-два!

*За-певай: — Папа только спичкой чирк!
И огонь сейчас же фырк!*

Продолжайте разогреваться! Вот. Вот какой я молодец! Помощник! Гордиться нужно таким ребёнком! Я, когда вырасту, знаете кем буду? Я буду — ого! Я буду даже ого-го! Ого-гугаго! Вот кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в неё снова влетел папа! Он уже вернулся и был весь взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр и дирижёра этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

— Дзум-дзум! — выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

— Пыхь-пыхь! — поддавали жару медные тарелки. Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свёртком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

— Здравствуй, мой мальчик! Как ты проживал без меня?

Я сказал:

— Я скучал без тебя.

Мама сказала:

— А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

— Самолёт?

Мама сказала:

— Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне свёрток. Я взял его.

— Что это, мама? — спросил я.

— Это твоя сестрёнка Ксения, — всё так же тихо сказала мама. Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нём ничего не было видно. Я держал её на руках изо всех сил.

— Дзум-Бум-Трум, — неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной.

Его оркестр всё ещё гремел.

— Внимание, — сказал папа дикторским голосом, — мальчику Дениске вручается живая, свежая сестрёнка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток — пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

— А на кого она похожа?

— На тебя, — сказала мама.

— А вот и нет! — воскликнул папа. — Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще, я заметил, что маленькие детки в первые дни сво-

ей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я всё стоял со своей сестрою Ксенией на руках, как дурень с писаною торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

— Осторожнее, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

— Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

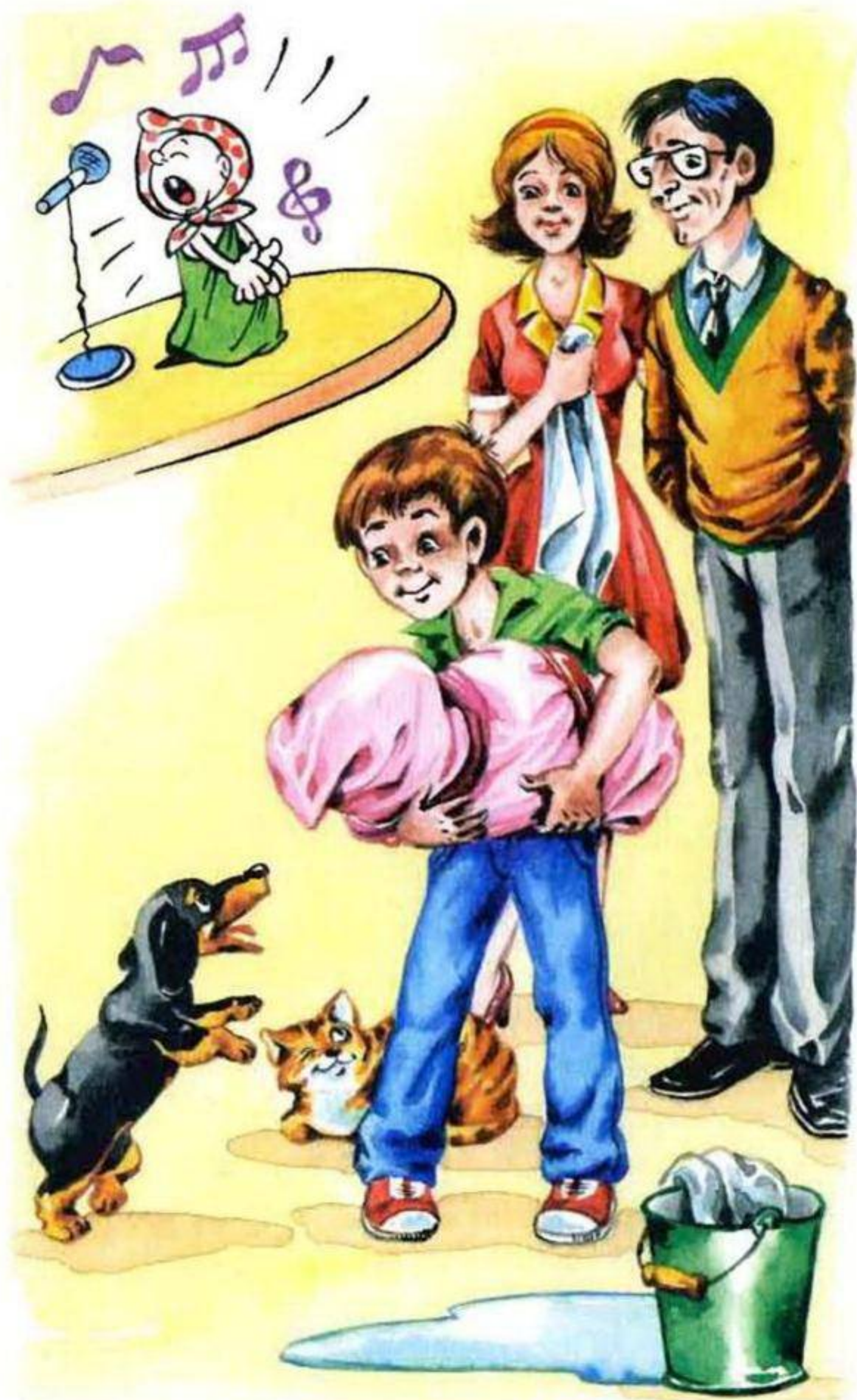
А папа сказал:

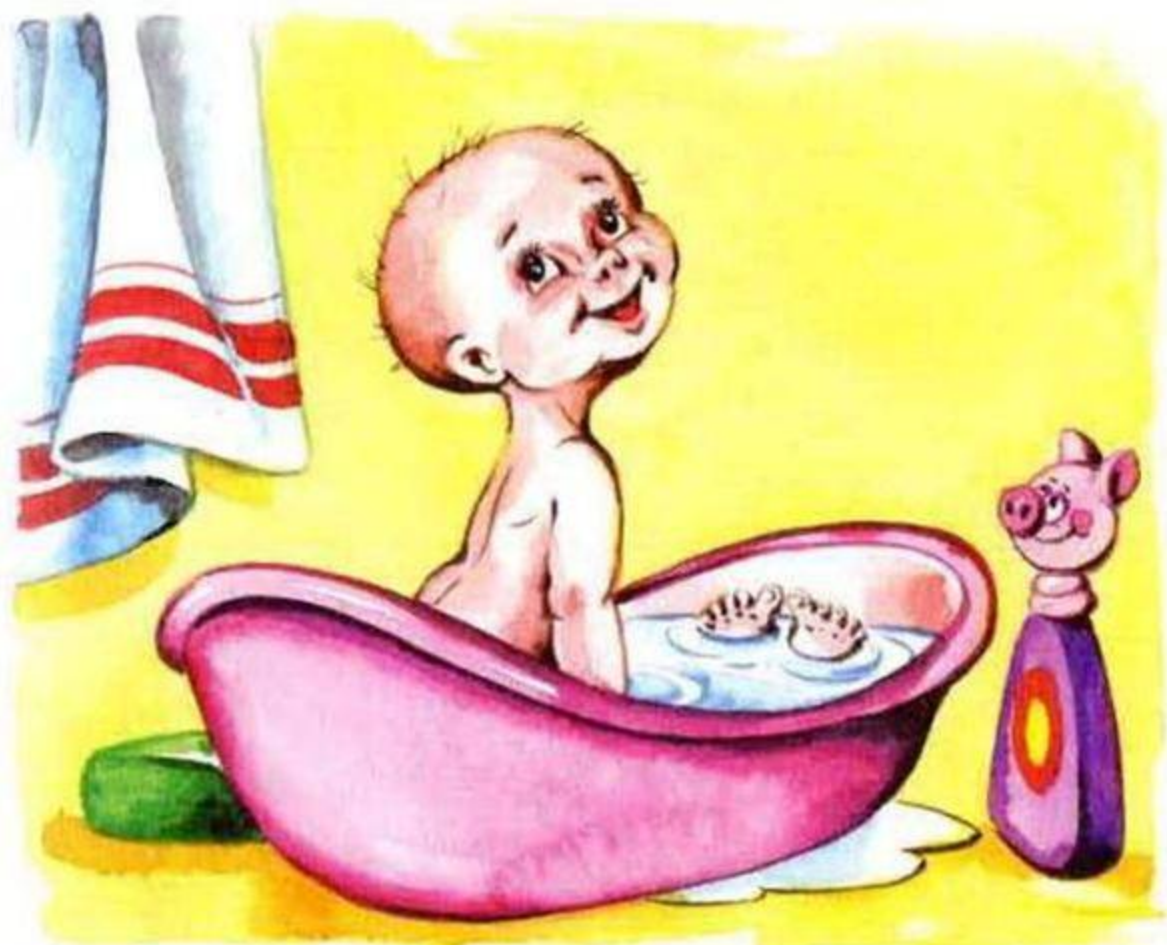
— Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня свёрток, в котором была Ксенька, и пошёл. Я пошёл за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно. Папа сказал:

— Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестрёнку в комоде. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она всё время спала. Я удивлялся и трогал пальцем её щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел её внимательно, я увидел, что у неё длинные тёмные ресницы...

И вечером мы стали её купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своём комодке и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, всё время поддерживал её настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

— А кто у нас лучше всех плавает? Кто

лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, — действовала папина лесть. Но когда стали купать, у неё такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку, и она пяткой искала и нашла дно, оперлась и только тогда немного успокоилась, лицо стало чуть поровней, не такое несчастное, и она позволила себя поливать, но всё-таки ещё сомневалась, вдруг папа даст ей захлебнуться... И я тут вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец и, видно, угадал, сделал, что надо было, она за мой палец схватилась и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, просто как утопающий за соломинку. И мне стало её жалко от этого, что она именно за меня держится, держится изо всех сил своими воробыиными пальчиками, и сквозь эти пальцы чувствуется ясно, что это она мне одному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, всё это купанье для неё муча, и ужас, и риск, и угроза, и надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всём этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал её любить.

ФАНТОМАС

Посвящаю Коле Прошину

Вот это картина так картина! Это да! От этой картины можно совсем с ума сойти — точно вам говорю. Ведь если простую картину смотришь, так никакого впечатления, только и радости, что ворюга пришёл в милицию, заплакал там горькими слезами и сказал, ломая губы: «Ваша взяла! Моих рук дело! Пиши, начальник!» — и начинает сам про себя рассказывать, какая у него тяжёлая жизнь получилась, как у него в войну отец погиб на фронте, а мама стала всё больше Богу молиться и совсем не обращала на него внимания, и среди него никто не вёл воспитательной работы, а ему кушать хотелось, и он попал в дурную компанию и обокрал пожарную часть. Украл два шланга и топор. И вот такую муру два часа в кино показывают, ни стыда, ни совести. Прямо не картина, а «спокойной ночи, малыши». А Фантомас — другое дело! Во-первых, тайна! Во-вторых — маска! В-третьих, приключения и драки! И в-четвёртых, просто интересно, и всё! И конечно, все мальчишки, как эту картину посмотрели, все стали играть в Фантомасов.

Тут главное — остроумные записки писать и подсовывать в самые неожиданные места. Получается очень здорово. Все, кто

такую фантомасовскую записку получает, сразу начинают бояться и дрожать. И даже старухи, которые раньше у подъезда просиживали всю свою сознательную жизнь, сидят всё больше дома. Спать ложатся просто с курами. Да оно и понятно, сами подумайте, разве у такой старушки будет хорошее настроение, если она утром прочла у своего почтового ящика такую весёлую записочку:

БИРИГИ СВАЮ ПЛЕТУ!

ОНА ЩА КАК ПАДВЗАРВЁТСЯ!

Тут уж у самой храброй старушки всякое настроение пропадает, и она сидит целый день на кухне, стережёт свою плиту и пять раз в день Мосгаз по телефону вызывает. Это очень смешно. Тут прямо животики надорвёшь, когда девчонка из Мосгаза целый день туда-сюда по двору шныряет и всё кричит: «Опять Фантомас разбушевался. У, чтоб вам пропасть!» И тут все ребята пересмеиваются и подмигивают друг другу, и неизвестно откуда с молниеносной быстротой появляются новые фантомасочные записочки, у каждого жильца своя. Например:

НИ ВЫХОДИ НОЧЬЮ НА ДВОР! УБЮ!
или — **ВСЁ ПРО ТИБЯ ЗНАИМ. БОИСЬ**
СВАЕЙ ЖИНЫ! А то просто так: ЗАКАЖИ
СВОЙ ПАТРЕТ! В БЕЛЫХ ТАПОЧКАХ.

И хотя это всё часто было не смешно и даже просто глупо, всё равно у нас во дворе стало как-то потише. Все стали пораньше

ложиться спать, и участковый милиционер товарищ Пархомов стал почаще показываться у нас. Он объяснял нам, что наша игра — это игра без всякой цели, без смысла, просто чепуха какая-то, что наоборот, та игра хороша, где есть людям польза, например, волейбол или городки, потому что «они развивают глазомер и силу удара», а наши записочки ничего не развивают, и никому не нужны, и показывают нашу непроходимую дурость. «Лучше бы за одеждой своей последили, — говорил товарищ Пархомов. — Вон ботинки! — И он показывал на Мишкины ботинки. — Школьник с вечера должен хорошо вычистить их, чтоб утром надевать на свежую голову».

И так продолжалось очень долго, и мы стали понемногу отдыхать от своего Фантомаса, и мы подумали, что теперь уже всё! Наигрались! Но не тут-то было! Вдруг у нас разбушевался ещё один Фантомас, да как! Просто ужас! А дело в том, что у нас в подъезде живёт один старый учитель, он давно на пенсии, он длинный и худющий, всё равно как кол из журнала, и палку носит такую же, видно, себе под рост подобрал, к лицу. И мы, конечно, сейчас же его прозвали Кол Единицыч, но потом для скорости стали величать просто Колом.

И вот однажды спускаюсь я с лестницы и

вижу на его почтовом ящике рваненькую кривую записку, читаю:

КОЛ, А КОЛ!

ФКАЛЮ Ф ТИБЕ УКОЛ!

В этом листке были красным карандашом исправлены все ошибки, и в конце стиха стояла большая красная единица. И аккуратная, чёткая приписка:

КОМУ БЫ ТЫ НИ ПИСАЛ, НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ НА ТАКОМ ГРЯЗНОМ, ОБЛЕЗЛОМ ОБРЫВКЕ БУМАГИ — и ещё: СОВЕТУЮ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЙ ЗАНЯТЬСЯ ГРАММАТИКОЙ.

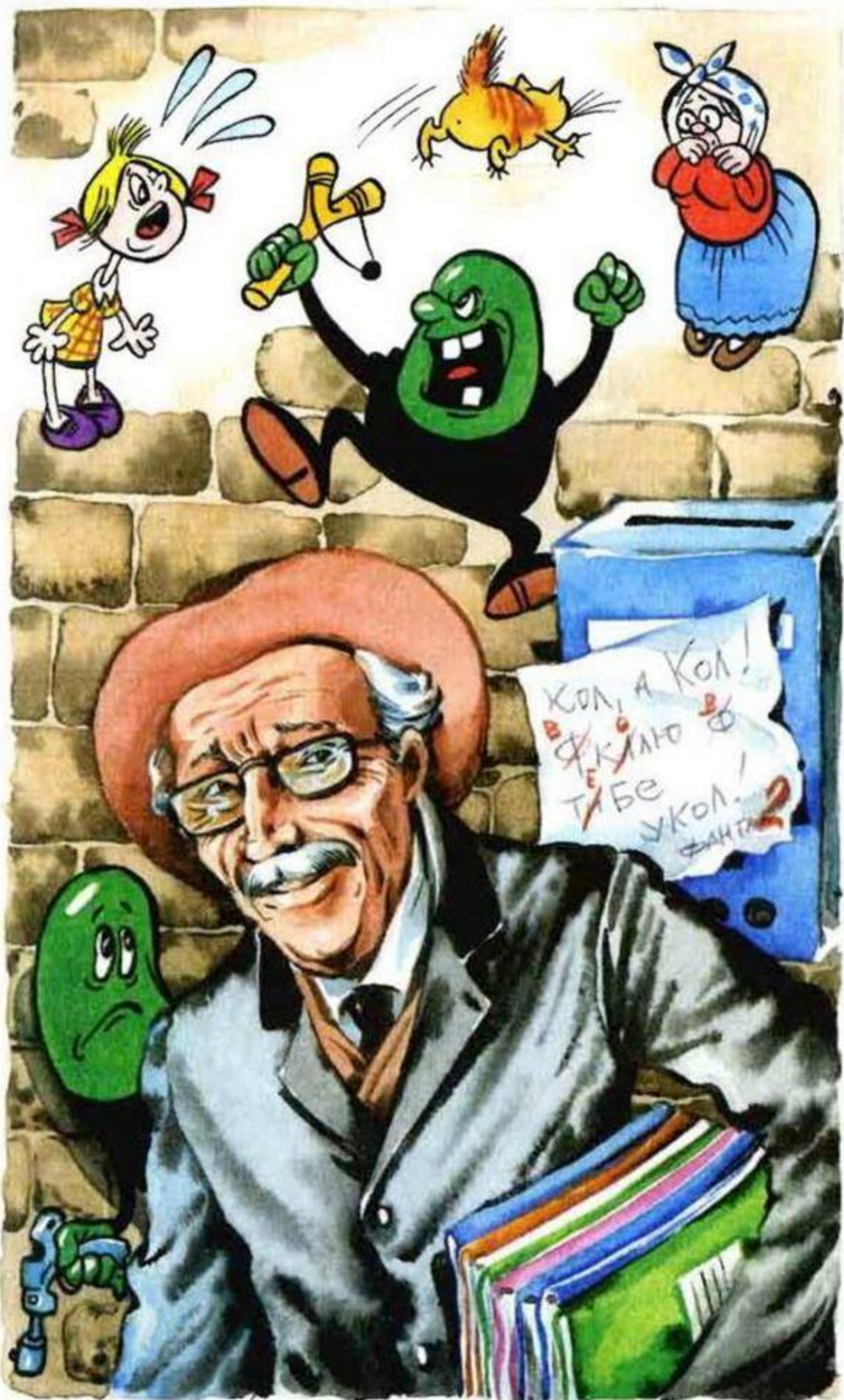
Через два дня на двери нашего Кола висел чистый тетрадный листок. На листке коротко и энергично было написано:

ПЛЮВАЛ Я НА ГРОМАТИКУ.

Ну, Фантомасище проклятый, вот это разбушевался! Хоть ещё одну серию начинай снимать. Просто стыд. Одно было приятно: Фантомасова записка была сплошь исчеркана красным карандашом и внизу стояла двойка. Тем же, что и в первый раз, ясным почерком было приписано:

БУМАГА ЗНАЧИТЕЛЬНО ЧИЩЕ, ХВАЛЮ. СОВЕТ:

КРОМЕ ЗАУЧИВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ, РАЗВИВАЙ В СЕБЕ ЕЩЁ И ЗРИТЕЛЬНУЮ ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ ГЛАЗА, ТОГДА НЕ БУДЕШЬ ПИСАТЬ

«ГРОМАТИКА». ВЕДЬ В ПРОШЛОМ ПИСЬМЕ Я УЖЕ УПОТРЕБИЛ ЭТО СЛОВО.

«ГРАМ-МАТИ-КА». НАДО ЗАПОМИНАТЬ.

И так началась у них длинная переписка. Долгое время Фантомас писал нашему Колу чуть ли не каждый день, но Кол был к нему беспощаден. Кол ставил Фантомасу за самые пустяковые ошибочки свою вечную железную двойку, и конца этому не предвиделось.

Но однажды в классе Раиса Ивановна задала нам проверочный диктант. Трудная была штука. Мы все кряхтели и пыхтели, когда писали диктант, там были подобраны самые трудные слова со всего света. Например, там под конец было такое выражение: «Мы добрались до счастливого конца». Этим выражением все ребята были совсем ошарашены. Я написал: «Мы добрались до ЩАСЛИВОГО конца», а Петька Горбушкин написал: «до ЩЕСЛИВОГО конца», а Соколова Нюра исхитрилась и выдала в свет свежее написание. Она написала: «Мы добрались до ЩИСЛИВЫВА конца». И Раиса Ивановна сказала:

— Эх вы, горе-писаки, один Миша Слонов написал что-то приличное, а вас всех и видеть не хочу! Идите! Гуляйте! А завтра начнём всё сначала.

И мы разошлись по домам. И я чуть не треснул от зависти, когда на следующий

день увидел на дверях Кола большой белоснежный лист бумаги и на нём красивую надпись:

СПАСИБО ТЕБЕ, КОЛ! У МЕНЯ ПО РУССКОМУ ТРОЙКА!

ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНЕ. УРА! УВАЖАЮЩИЙ ТЕБЯ ФАНТОМАС.

ТРОЙКА ПО ПОВЕДЕНИЮ

Я очень крепко подружилась с девочкой Танюшей. Когда мы пошли в первый класс, нас посадили на первую парту. А наша учительница Ольга Петровна спросила, как нас зовут.

— Ксюша, — сказала я громко.

— Танюша, — ответила моя подружка.

И с тех пор мы с ней дружим, и нас с ней стали называть неразливашками: вместе ходим в школу и из школы, вместе гуляем, и даже один раз ходили в зоопарк, и тоже вместе, и всегда вместе с Танюшей что-нибудь придумываем.

Ольга Петровна иногда на нас сердится, но не очень.

А вот однажды...

Однажды во время перемены мы шли по нашему залу. Шли себе и шли. Никого не задевали. Вдруг видим, около стены стоит огромный стол. А на нём лежат разные стенные газеты, журналы и даже чьи-то портфе-

ли. Получается, что весь стол закрыт. Сверху донизу.

Тут я говорю Танюшке:

— Вот хорошо бы нам сейчас спрятаться!

— А зачем? — спрашивает Танюша.

А я отвечаю:

— А вот зачем! Они подумают — никого нет, а мы возьмём да и залаем и всех испугаем. Знаешь, как я здорово умею лаять!

Я полезла под стол и говорю Танюше:

— Давай залезай!

И она тоже залезла.

Вот мы сидим помалкиваем. И вдруг видим — целый класс идёт в буфет. Болтают, смеются. Слышу, Танюша мне шепчет:

— Ксюша, а Ксюша! Можно начинать?

Я тоже шепчу:

— Начинай!

И мы начали лаять. Танюша лает потихонечку так, вежливо и тоненько:

— Аф! Аф! Аф!

А я погромче и почаще:

— Аф-аф-аф! Аф-аф-аф!

Что тут началось! Малыши испугались, одни назад повернули, другие за ними, по залу бегают, а мы с Танюшей стараемся:

— Аф-аф-аф! Аф! Аф! Аф!

Я потом даже немножко рычания прибавила:

— Р-р-р-раф! Ррраф-аф-аф!

Малыши к другому концу стола кину-

лись, а я под столом за ними, как будто собачка вслед бросается:

— Ррраф — ввваф! Раф-раф!

Тут Танюша вспомнила, как наш Трезорка лаять умеет:

— Гав! Гав-гав! Раф-раф-раф! Аф!

Ну, тут все ребята убежали. Я говорю:

— Молодец, Танюша! Не хуже любой дворняжки лаешь.

Мы выглянули из-под стола и видим — идёт наш библиотекарь. Он здесь книжки выдаёт. Идёт себе, ни о чём не думает. И тут мы из-под стола как залаем:

— Аф-аф — ррраф!

Библиотекарь здорово испугался. Даже поперхнулся, а потом осторожно заглянул под стол.

— Уффф, — говорит, — вот это кто, оказывается. А ну-ка, из-под стола шагом марш! К директору — за мной!

Вот так библиотекарь! Командует, как настоящий генерал. Пошли мы за ним. Вот дверь, написано — «Директор». Директор сидит, как будто даже скучает. А библиотекарь ему объясняет, как мы лаяли. Испугали, говорит, до смерти.

Тут директору стало интересно, и он сказал:

— А ну-ка, полай, Ксюша, полай.

И Танюше:

— Полайте, пожалуйста, прошу вас! Интересно, что это такое!

Ну, если директор просит, то мы сразу хором:

— Аф-аф-аф-аф-аф-аф!

Директор послушал-послушал и говорит:

— По-моему, не очень страшно!

И повернулся к библиотекарю:

— Я думал, что в самом деле очень страшно. А оказывается, даже смешно, честное слово!

А потом говорит:

— Ну, теперь идите на урок и больше не озорничайте!

Мы с Танюшей пошли спокойно на урок. А урок уже начался. Мы вошли, а Ольга Петровна спрашивает:

— Кораблёва! Ты где была?

Я говорю:

— У директора!

Тогда Ольга Петровна спрашивает:

— Кто же тебя туда привёл?

Танюша отвечает — чётко, по-военному:

— Беб-лео-текарь!

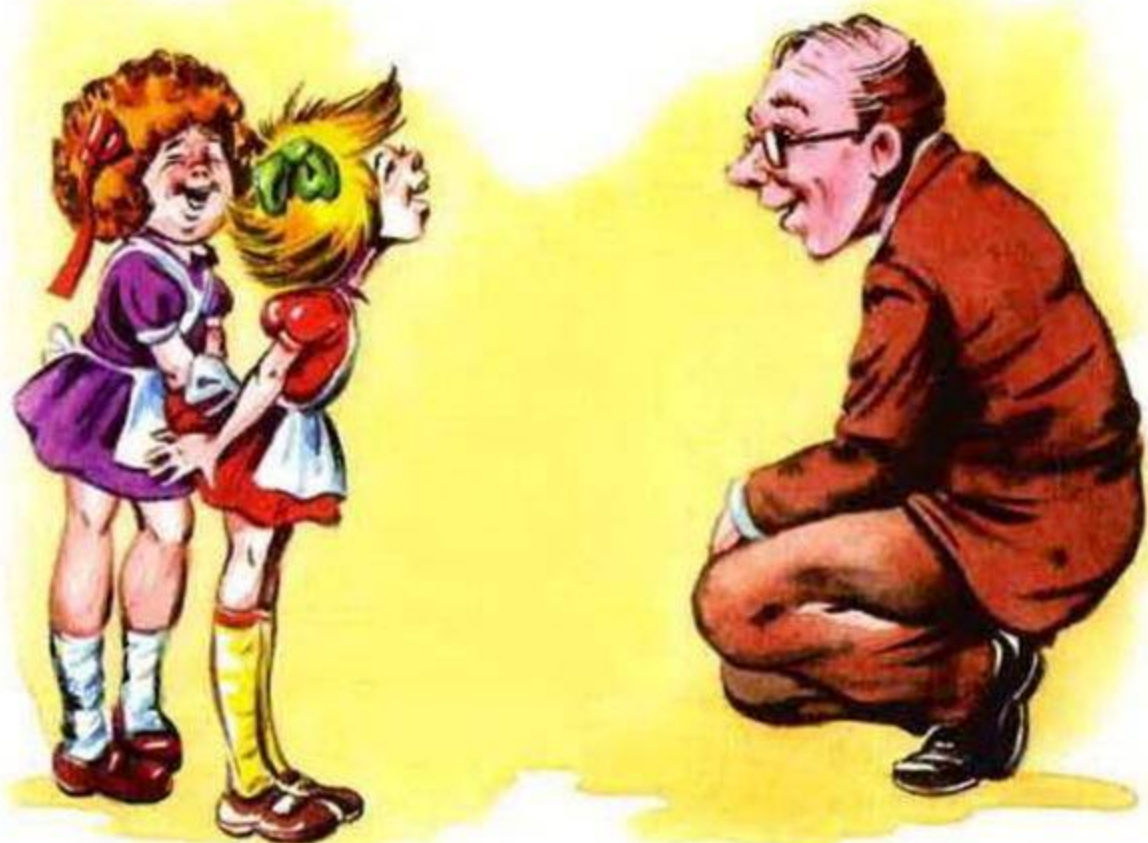
Ольга Петровна говорит:

— Биб-лио-текарь! А за что он вас туда привёл?

Тогда я говорю:

— За то, что мы обе лаяли!

Ольга Петровна прямо за голову схватилась:

— Час от часу не легче!.. Ксения Кораблёва, как же вы лаяли?

Я говорю:

— А вот так — аф-аф-аф! Аф! Гав-гав!

И Танюша тоже:

— Р-р-раф! Ррраф-раф! В-в-в-ваф-раф!

Тут весь наш класс как начнёт:

— Рраф-раф! Гав-гав-гав-гав!!! Аф-аф! Аф-аф-аф-аф! Ввраф!

Мальчишки даже с подвывом лают:

— У-у-уугау! Гаууу! Раф-раф-раф-рррау-уу!!! Ррууу-аф!

А девчонки подвизгивают:

— Ииййййии-гаф! Аф! Ииии-аф!

Весь класс лает и смеётся.

И Ольга Петровна смеялась-смеялась, а потом стала говорить:

— Тише! Тише! Полаяли и хватит!

Но куда там! Мы её даже и не слышим.

Тут у Ольги Петровны лопнуло терпение. Она вскочила из-за стола да как залает, громче всех:

— Аф! Аф! Ррр-раф! Аф-аф-аф!

Мы от удивления замолчали, а она спокойно так говорит:

— Что ж, продолжим урок.

И мы стали учиться дальше.

А в субботу нам раздали дневники. Мы с Танюшей смотрим, а у нас по поведению аккуратненькие тройки. Мы очень обиделись на Ольгу Петровну. Сама тоже лаяла, а нам тройки поставила. Несправедливость, да и только. Мы спросили:

— За что же нам тройку?

А Ольга Петровна погрозила нам пальцем и сказала:

— Аф-аф-аф!

ДЫМКА И АНТОН

Прошлым летом я был на даче у дяди Володи. У него очень красивый дом, похожий на вокзал, но чуть-чуть поменьше.

Я там жил целую неделю, и ходил в лес, разводил костры и купался.

Но главное, я там подружился с собака-

ми. И там их было очень много, и все называли их по имени и фамилии. Например, Жучка Бреднева, или Тузик Мурашовский, или Барбос Исаенко.

Так удобней разбираться, кого какая укусила.

А у нас жила собака Дымка. У неё хвост загнутый и лохматый, и на ногах шерстяные галифе.

Когда я смотрел на Дымку, я удивлялся, что у неё такие красивые глаза. Жёлтые-жёлтые и очень понятливые. Я давал Дымке сахар, и она всегда виляла мне хвостом. А через два дома жила собака Антон. Он был Ванькин. Ванькина фамилия была Дыхов, и вот и Антон назывался Антон Дыхов. У этого Антона было только три ноги, вернее, у четвёртой ноги не было лапы. Он где-то её потерял. Но он всё равно бежал очень быстро и всюду поспевал. Он был бродяга, пропадал по три дня, но всегда возвращался к Ваньке. Антон любил стянуть, что подвернётся, но умный был на редкость. И вот что однажды было.

Моя мама вынесла Дымке большую кость. Дымка взяла её, положила перед собой, зажала лапами, зажмурилась и хотела уже начать грызть, как вдруг увидела Мурзика, нашего кота. Он никого не трогал, спокойно шёл домой, но Дымка вскочила и пустилась за ним! Мурзик — бежать, а Дымка

долго за ним гонялась, пока не загнала за сарай.

Но всё дело было в том, что Антон уже давно был у нас на дворе. И как только Дымка занялась Мурзиком, Антон довольно ловко цапнул её кость и удрал! Куда он девал кость, не знаю, но только через секунду приковылял обратно и сидит себе, посматривает: «Я, ребята, ничего не знаю».

Тут пришла Дымка и увидела, что кости нет, а есть только Антон. Она посмотрела на него, как будто спросила: «Ты взял?» Но этот нахал только рассмеялся ей в ответ! А потом отвернулся со скучающим видом. Тогда Дымка обошла его и снова посмотрела ему прямо в глаза. Но Антон даже ухом не повёл. Дымка долго на него смотрела, но потом поняла, что у него совести нет, и отошла.

Антон хотел было с ней поиграть, но Дымка совсем перестала с ним разговаривать.

Я сказал:

— Антон! На-на-на!

Он подошёл, а я сказал ему:

— Я всё видел. Если сейчас же не принежёшь кость, я всем расскажу.

Он ужасно покраснел. То есть, конечно, он, может быть, и не покраснел, но вид у него был такой, что ему очень стыдно и он прямо покраснел.

Вот какой умный! Поскакал на своих троих куда-то, и вот уже вернулся, и в зубах не-

-Я-Тузик
ИВАНОВ!

сёт кость. И тихо так, вежливо, положил перед Дымкой. А Дымка есть не стала. Она посмотрела чуть-чуть искоса своими жёлтыми глазами и улыбнулась — простила, значит!

И они начали играть и возиться, и потом, когда устали, побежали к речке совсем рядышком.

Как будто взялись за руки.

ДЕНИСКА РАЗМЕЧТАЛСЯ...

Когда я был дошкольником, мне очень хотелось, чтобы дети были во всех делах главными и чтобы взрослые их во всём слушались. Я тогда представлял себе, как буду я заставлять маму есть по три тарелки манной каши, как я буду покрикивать на папу, чтобы мыл руки, а бабушку и вовсе буду угнетать и не буду разрешать ей играть в хоккей и в футбол.

И хотя я давно уже не маленький, а, наоборот, вымахал за эти годы чуть ли не на полметра вверх, а вот эта мечта, чтобы дети были во всех делах главными, не оставляет меня до сих пор.

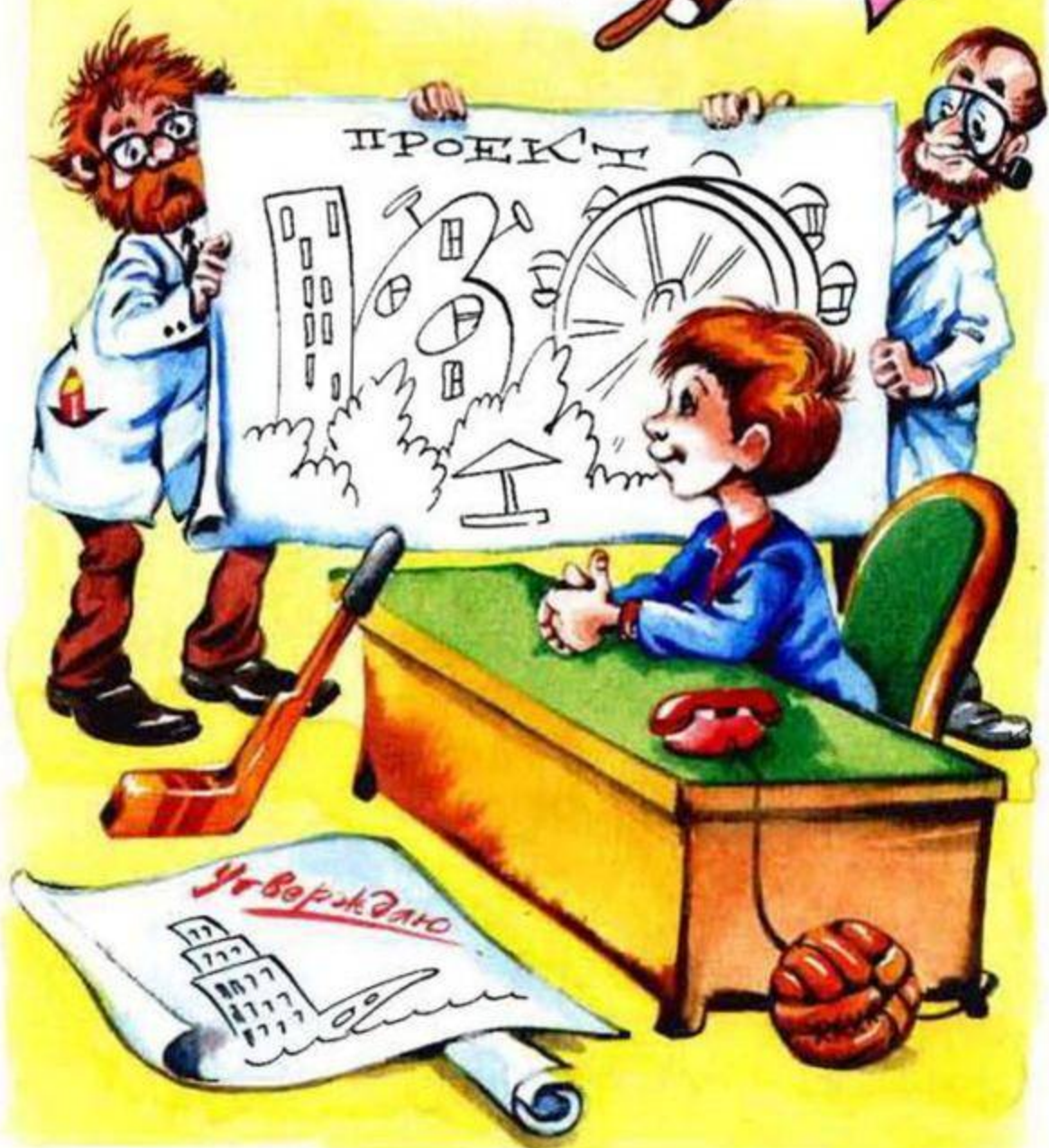
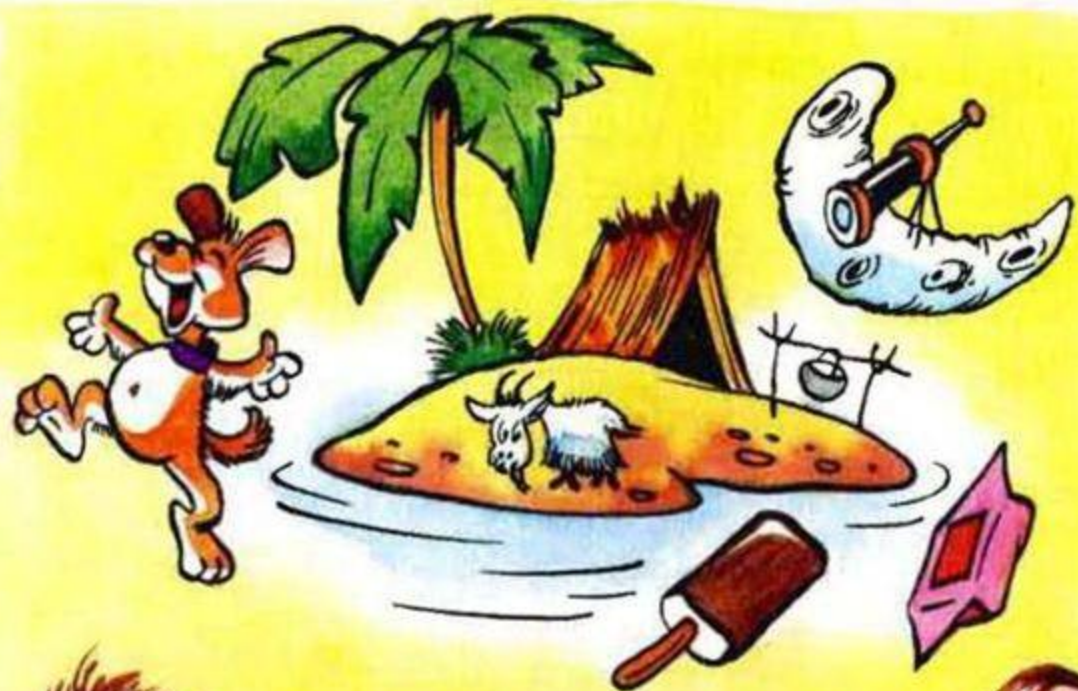
Во-первых, я бы распорядился, чтобы все города в нашей стране были бы совершенно разные по устройству и по архитектуре и чтобы в них не было ни одной похожей улицы. Главное, чтобы всё было светло и радо-

стно, чтобы была зелень и синь. То есть трава и пруды, бассейны и деревья. И чтобы по вечерам в городах на всех улицах горел яркий свет, чтобы его было много.

Если бы дети были во всём главными, я бы приказал в центре сделать большой парк, а в парке сделал бы для старичков интересные весёлые игры, чтобы они разминали свои косточки и не думали, что быстро прошла их жизнь. От этого была бы ещё та большая польза, что старики не ворчали бы на детей, что, мол, плохо воспитаны.

Прежде всего я из всех сил постарался бы и всех учителей, отдавших свою молодость детям, я бы к старости, годам эдак к

30 или 35, награждал бы званием заслуженного учителя. Это бы их радовало и гордило. Но зато я бы очень усложнил выучку на педагога. Кто хочет в педагогический институт, должен всё сдать на отлично, а тот предмет, который хочет преподавать, — на отлично с плюсом. У него будет специальный экзамен общения с детьми, и если не смог сойтись с ними, то до свиданья, заходи через годик-другой!

Потому что получается просто ужасная вещь, когда учитель не может понять ребят. У-ж-а-с-н-а-я! Учитель должен уметь придумывать интересное, чтобы в классе не было скучно, и всегда он должен быть готов поговорить с ребятами обо всём новом и любить спорт. И ещё один экзамен: не быть такими, которые злятся из-за ерунды! Если все эти испытания он пройдёт с отличием, пожалуйста, может поступать в педагогический институт.

Если бы я всё мог, я бы попросил ребят высказывать свои мысли по любому школьному вопросу и делу. Даже критиковать, если нужно. Это было бы полезно всем. Но чтобы — чур! — ни директор, ни завуч не упрекали бы детей за это.

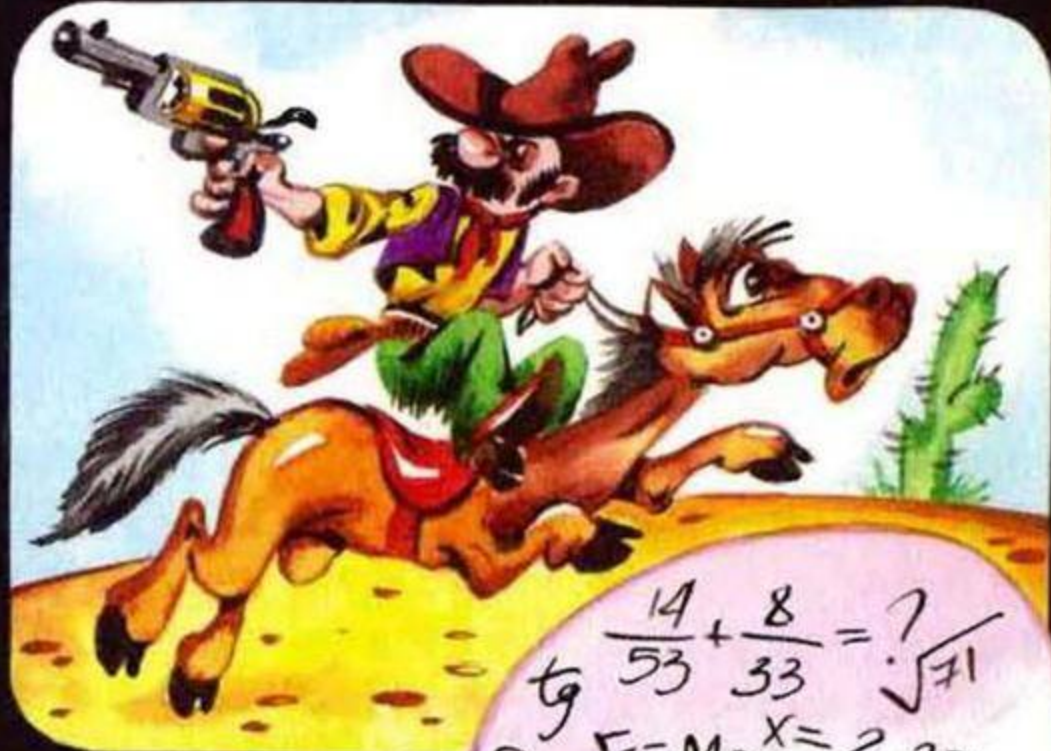
Конечно, это хорошо, когда развивается наука. Я попросил бы науку изобрести средства для улучшения языка. То есть чтобы в учебниках было интересно написано, как у

Чехова например, а не длинными серыми фразами, которые жуёшь как вату.

Ещё просьба к учёным: установить на Луне станцию, а на бульварах телескопы и телевизоры, чтобы все могли видеть лунную поверхность и её животный мир (если он есть). И я бы дал самое срочное задание науке: наделать в большом количестве для учеников 6-10 классов запоминающие устройства, при помощи которых ученики могли бы заучивать теоремы и правила в то время, когда они гуляют или сидят в кино.

А кино — это самое главное, потому что дети его очень любят. Уж очень много неинтересных картин. Чтобы помочь делу, я бы запретил переносить в кино самые лучшие книжки, они как-то в кино портятся. Пусть писатели пишут для кино сами, пусть шевелят мозгами. И фильмы пусть будут хорошие. Тут всё яснее ясного.

Я считаю, что в каждом дворе должны быть специальные площадки для гулянья с собаками. Вот у меня дома есть хорошая собака, и умная, и ласковая, и смешная. Она знает больше сотни слов, умеет приносить газеты и умеет будить меня одного, не беспокоя ни папы, ни мамы. Она когда смотрит на меня, я вижу её глаза насквозь до дна, такие они у неё чистые и прозрачные. Она честная собака, она никогда не тронет маленького, и она очень любит колбаситься, и играть, и

$$\frac{14}{53} + \frac{8}{33} = ? \sqrt{71}$$

tg

$$E = Mc^2 \quad x = 2,23$$

$a^2 + b^2 = c^2$

$$\begin{array}{r} 1578 \\ \times 21 \\ \hline 1578 \\ 3156 \\ \hline 1638 \end{array}$$

кувыркаться, и взвизгивать от смеха, и она мне друг, я это чувствую. Вообще собака — друг человека. И я не знаю никого из своих знакомых — а их у меня много, одних мальчишек сотни полторы, а девчонок я даже и не считал, наверное, двести (их вообще много развелось за последнее время), — так вот, я не знаю никого из детей, кто не любит собак, щенят, дворняжек, лохмушек, чапиков или просто барбосов!

Я хочу, чтобы в моей стране никогда не было бы не только войн, но даже плохого настроения. У кого плохое настроение, он ко всем придирается, вяжется и липнет, сам кислый, как будто лягушка сидит во рту. Это заражает и других. Я бы за это штрафовал. Но не всех, конечно. Поэты, например, имеют право. У них — это другое дело. У них это называется «поэтическая грусть».

Я объявил бы закон: «Приветливость всегда и ко всем», — иначе штраф.

Таким директорам, чьи фабрики загрязняют реки, — штраф (конечно, из его кармана) и общественное порицание от всех детей страны. Сплетникам — то же самое. Ленивым — то же самое. Равнодушным — то же самое. Я хочу закончить своё сочинение, а то у меня, чего доброго, пропадут билеты в кино. Но у меня осталось ещё много мыслей. Особенно таких, которые не лезут ни в какие ворота. Но мне кажется, что они важны для

облегчения жизни школьников и детей. И я изложу эти мысли коротко, в виде лозунгов и наказов. Вот они!

Построить на Чёрном море игрушечный остров для игры в Робинзонов!

На всех стадионах выделить одну трибуну для школьников! Бесплатно!

Запретить двойки!

Побольше театров, стадионов, бассейнов!

То же самое — кукол, конфет, коньков и ракеток!

Снизить цены на мороженое!

Ура!

СЛОНИХА ЛЯЛЬКА

1

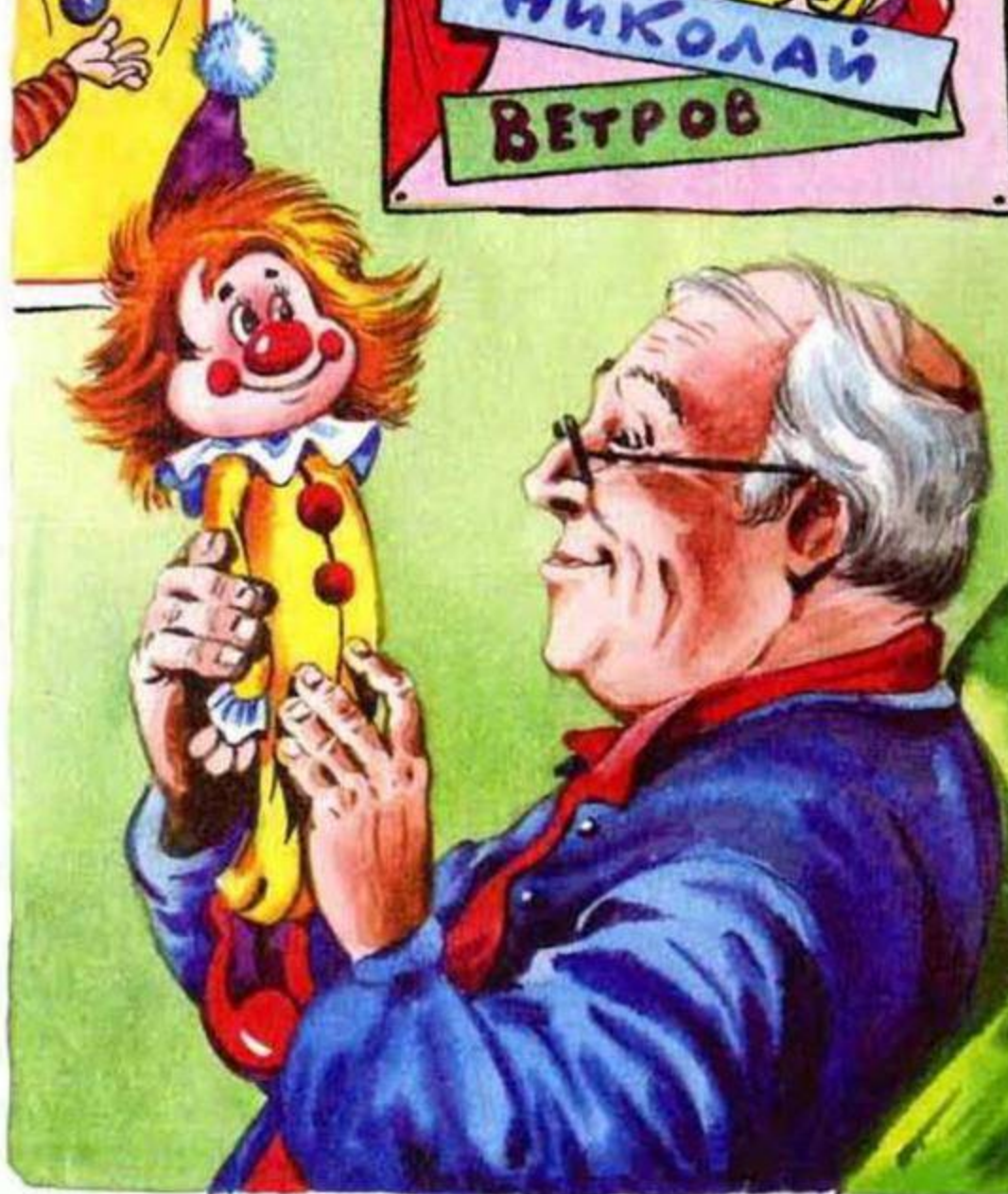
Я расскажу вам, ребята, одну цирковую историю. Это история про заболевшую слониху, старую мою приятельницу. Я расскажу вам про то, как она заболела и как я её вылечил, потому что я её крепко любил и уважал, она была для меня дороже старого друга. Во всяком случае, не хуже. Мы давно с ней дружили, а потом расстались, как мне казалось, навек. Но жизнь иногда устраивает необычайные чудеса и фокусы, и смотришь, через пять лет разлуки снова встречаешь старого товарища и, как ни странно, только тогда начинаешь понимать, что он тебе по-настоящему дорог и мил, и какой он

добрый и славный, и ты коришь себя тысячу раз, говоришь себе, что вот ты его уже стал забывать.

А разве это красиво — забывать друзей? Разве это хорошо? Разве тебя этому учили старые отец и мать? Нет, они не могли никогда научить тебя подобным делам и поступкам, потому что они были старые потомственные цирковые артисты, а у цирковых артистов особенно крепко развито чувство товарищества и долга.

И теперь, когда моих родителей давно уже нет на свете, а я и сам почти что старый, меня все так и зовут — «старый клоун». Это ещё и потому, что я придерживаюсь старого репертуара, вернее, не старого, а старинного, но уж зато по-настоящему смешного. Дети очень любят такие испытанные годами клоунские номера. А я всю жизнь учился только такие номера показывать и научился в конце концов.

Теперь, когда шпрыхшталмейстер выходит и объявляет в цирке: «А сейчас выступает Николай Ветров, старый клоун», — ребята сейчас же начинают хлопать в ладоши и подпрыгивать на месте, и я выхожу в манеж, и они все ужасно галдят, и долго не успокаиваются, и я под конец снимаю перед ними шляпу, строю уморительную гримасу, раскланиваюсь на все стороны и объявляю смешным голосом: «Добри вечер! Драсьти!»

И они усаживаются, и можно начинать показывать что-нибудь смешное!

Это всё очень интересно, всегда, в каждом городе, на каждом представлении. Я это всё объясняю так долго затем, чтобы вы поняли, как я люблю своё дело, зрителей, маленьких зрителей особенно, этот шелковистый звук ребячьих рукоплесканий. И цирк люблю с музыкой, и артистов в парадных костюмах, и цирковых животных. А как же?

И вот однажды, когда я уже выступил и попрощался с ребятами и оркестр заиграл такую музыку, чтобы ребята в такт хлопали все вместе, я вышел в наш цирковой буфет. Мне очень хотелось пить. И вот стою я и пью «сердитую водичку», — она холодная и покалывает язык, её все ребята любят, и есть такие удалцы, что по пять бутылок выпивают. И в это время подходит ко мне старый цирковой работник Панаргин, он работает помощником у дрессировщика Русакова. Он ещё издали помахал мне рукой в знак приветствия. Я ответил и показал глазами: мол, иди ко мне. Высокий и медлительный, он быстро подошёл ко мне и сунул для пожатия свою шершавую руку. Лицо у него было в крупных, сползающих книзу морщинах, выражение глаз, красных и воспалённых, тревожное. Я спросил его:

— Что с тобой?

— Плохие дела, брат, — сказал Панаргин мрачно.

— Говори скорей!

— Лялька болеет, а Русакова нет.

— А где же он?

— Завтра объявится. Нужно же ему было лететь самолётом. Теперь сидит в Целинограде. У них там, видите ли, нелётная погода.

— А что с Лялькой?

— Болеет. Ну не знаю, вид плохой. Стонет... Пойдём посмотрим!

Я сказал:

— Пошли.

— Будь другом, — обрадовался Панаргин, — сделай милость. Ум хорошо, а два — сам знаешь... Стоит, не ест... Беда на мою голову...

— Бежим! — сказал я, выгрызая зернышки из яблока. — Таисия Сергеевна, — я обернулся к буфетчице, — заверните мне булочек десяток!

Буфетчица кивнула.

— Я не за себя, — сказал Панаргин, — ты не думай. Ляльку жалко. Ведь она какая артистка! Безотказная! Разве она слон? Золото она, а не слон!

— Не канючь! — сказал я. — Сейчас поглядим. Пойдём!

Я взял у буфетчицы пакет. Он был полон. И мы пошли на конюшню.

Да, конечно, слониха была больна. Панаргин не ошибся. Она стояла в дальнем углу конюшни, недалеко от дежурной лампочки. Она была прикована тяжёлой цепью к чугунной тумбе. Глаза её были прикрыты, длинный безжизненный хобот уныло опущен до самого пола. Она была похожа на огромный серый холм, покрытый редкими травинками волос, на африканскую хижину, стоящую на четырёх подпорках-столбах. Тяжёлая её голова и огромные уши, похожие на шевелящиеся пальмовые листья, маленький хвост — всё это выглядело усталым, обвисшим и хворым.

Я подошёл к ней спереди, прямо со лба, держа в руке открытый пакет со свежими булочками, и протянул его ей. Я был рад её видеть. Я сказал ей негромко:

— Лялька!

Она чуть шевельнула ушами и медленно переступила передними ногами; потом открыла свой человеческий грустный взгляд. Давненько мы не виделись с ней. Давненько, что и говорить, и вполне можно было позабыть меня, выкинуть из головы и сердца. Но тогда, когда мы виделись, мы крепко дружили, встречались каждый день. И сейчас Лялька узнала меня мгновенно. Я это увидел в её глазах. Она не стала приплясывать от радости и трубить «ура» во весь свой

мощный хобот. Видно, не до того ей было, сил было мало. Просто по глазам её я увидел, что она меня узнала, и глаза её пожаловались мне. Она искала сочувствия у старого друга. Она похлопала ресницами и покачала головой, словно сказала: «Вот как привелось свидеться... Скверные, брат, дела...»

И всё-таки она сделала над собой усилие и, приподняв хобот, тихонько и длительно дунула мне в лицо.

— Узнала, — сказал Панаргин голосом, полным нежности. — Ну что за животное такое, девочка ты моя...

— Да, — сказал я, — узнала, милая.

И я вынул из пакета плюшку и протянул её Ляльке.

— Лялька, — сказал я, — на булку.

Она снова подняла свой слабый хобот. Дыхание у неё было горячее.

Я держал сладкую, пахучую булку на раскрытой ладони. Но Лялька нерешительно посопела и отказалась. Хобот её равнодушно, немошно и на этот раз окончательно повис над полом. Я прислонил пакет с булками к тумбе.

— Что такое, — сказал я, — еду не берёт... Температура, по-моему.

— Ну да, — сказал Панаргин, — простыла, наверно. Здесь сквозняки... Черти бы их побрали, устроили ход на задний двор, а дверь не затворяют, дует прямо по ногам, её

и прохватило. Она же хрупкая. Не понимают, думают, раз слон, так она вроде паровоза. Все нипочём — и дождь и ветер... А она хрупкая!

— Кашляет?

— Да нет, не слышно, а дышит трудно.

— И давно она так?

— Да с утра. И завтракала неохотно. Я обратил внимание — плохо ест!

Я зашёл сбоку и стал обходить Ляльку постепенно, вдоль туловища, и прикладывал ухо к наморщенной и шуршащей Лялькиной коже. Где-то далеко внутри, как будто за стеной соседней комнаты, мне слышались низкие однообразные звуки, словно кто-то от нечего делать водил смычком по басовой струне контрабаса.

— Бронхит, по-моему, — сказал я.

— Только бы не воспаление легких, боже упаси!

— По-моему, надо кальцекса ей дать.

— Ей встряска нужна, и согреть надо. Что ей кальцекс...

Вот так стоять и канючить он мог бы ещё до утра, потому что Иван Русаков привык до всего добираться собственными руками, и глаз у него был острый, хозяйский, а его помощники были людьми нерешительными, несамостоятельными, — воспитал на свою голову. А теперь вот слонихе худо, а этот чуждак маялся и робел, как мальчишка.

— Тащи ведро, — сказал я твёрдо и повелительно, — и пошли за вином.

— Во-во! И сахарку кило три! Сейчас, сейчас мы её вылечим... Не может быть — вылечим!

Он очень обрадовался тому, что кто-то взял на себя обязанности решать и командовать; ему теперь нужно было только подчиняться и возможно лучше исполнить распоряжение. Это было ему по душе. Он сразу почувствовал уверенность.

— Генка! — крикнул Панаргин.

И сейчас же перед ним вырос ушастый униформист:

— Что, дядя Толик?

Панаргин быстро сунул ему несколько мятых бумажек.

— Беги в гастроном, возьми вина. Да единым духом, пока не закрыли!

Генка убежал, а я взял ведро со стены и сказал Панаргину:

— Сходи, брат, в аптечку и что есть кальцексу и аспирина — тащи сюда. Хуже не будет.

Он шагнул наверх; его длинные ноги перемахивали через четыре ступеньки сразу. А я подхватил ведро и пошёл в туалетную за кипятком.

Когда я вернулся к Ляльке, она приветственно шевельнула хоботом, и, честное слово, она выглядела чуть веселее, чем раньше.

В её глазах была надежда и вера. Верно, я серьёзно говорю, в Лялькиных глазах сверкнула вера в человека, в дружбу, она поняла, что ещё не всё потеряно, раз вокруг неё бегают и хлопочут люди.

Я поставил ведро на пол и стал поджидать Генку и Панаргина. Хотелось мне помочь этой слонихе, очень хотелось. Я стоял так в полутёмной и холодной конюшне и думал об этой больной артистке и вспомнил, как однажды во Львове Ваня Русаков репетировал со своими животными.

3

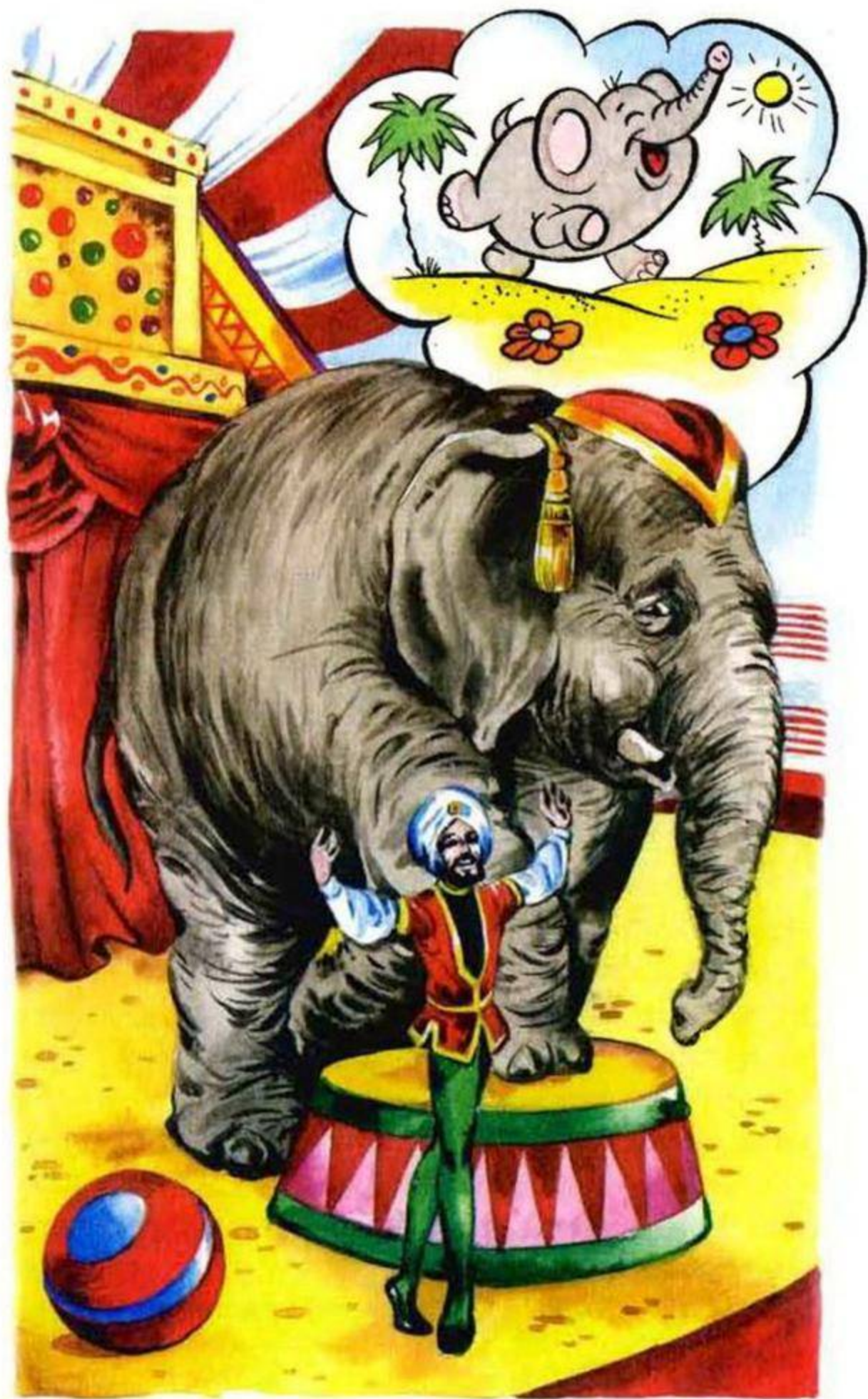
Лялька вышла в манеж весело и охотно, даже торопясь. Во всяком случае, походка, ритм всех четырёх её движущихся ног напоминал чуть-чуть неуклюжую, но всё-таки резвую рысь. Добравшись до середины манежа, слониха остановилась и стала весело раскланиваться, приподняв хобот и улыбаясь своим треугольным мягким ртом. Она поклонилась центральному входу с повисшей над ним площадкой оркестра. Потом повернулась налево и, не переставая улыбаться, поклонилась левому сектору и, наконец, проделала то же самое, повернувшись направо. Я сначала думал, что это она так дурачится от нечего делать и что это ещё не работа, но Русаков толкнул меня локтем и сказал:

— Смотри, смотри, что будет!

А между тем Лялька, не обращая на нас никакого внимания, подняла свою толстенную ногу — сначала одну, а затем и другую, поставила их обе на стоявшую в манеже деревянную тумбу. Потом очень спокойно и деловито, сосредоточенно посапывая, она взобралась на эту, такую крохотную по сравнению с ней площадку всеми четырьмя ногами. Здесь она аккуратно и педантично, одну за другой, проделала «стойку на трёх точках», «на двух» и, наконец, рекордный трюк — «стойку на одной точке». После каждого трюка она приветливо трясла головой, кланялась, как говорят в цирке, «продавала работу», и весёлая, обаятельная улыбка всё время не сходила с её, так сказать, уст.

Поработав на тумбе, Лялька сошла на-земь и пошла по первой линии манежа. Изящная в своей чудовищной громоздкости, она вдруг начала вертеться вокруг собственной оси. Это был вальс, слоновый вальс, грациозно отплясываемый громадным серым чудовищем. Мне казалось, что слониха напевает про себя старинную мелодию, — так легко и непринужденно она сама, без указаний дрессировщика, повторяла всю программу своего вечернего выступления.

В цирке было тихо. Униформисты засты-

ли у выхода, свободные артисты набились в боковые проходы, контролёры и служащие, электрики и уборщицы, гримёры и пожарники — все затаив дыхание следили за весёлой, добродушной и добросовестной слонихой, так прилежно исполняющей на репетиции свой артистический долг.

Вдоволь повалясировав, Лялька три раза встала на «оф», то есть поднялась на свои стройные задние ноги в знак последнего приветствия зрителям, и, как будто неуклюже, но, в сущности, очень ловко развернувшись, двинулась на конюшню. Всею своею мешковатой рысью она изображала отчаянную спешку, цирковой темп и подъём.

Это была великая артистка цирка, я проникся к ней любовью и уважением. Мы познакомились и подружились с ней.

4

А сейчас я стоял в полутёмной холодной конюшне подле моего больного друга и всем сердцем хотел ей помочь. Я постоял с ней ещё минуты три, потом прибежал Генка и поставил передо мной, прямо на пол, несколько бутылок вина. Я открыл их и стал выливать в ведро. Вино смешивалось с горячей водой, пар поднимался кверху. Слониха почуяла этот запах и издалека протянула хобот к ведру. Сверху спустился Панаргин; он всыпал в ведро большую банку сахарного

песку и из пригоршни прибавил таблеток тридцать кальцекаса.

Я размешал всё это гладкой палочкой, которую протянул мне Генка. Слониха всё ещё тянулась к ведру. Я подошёл к ней, поставил ведро, и она стала пить.

— За ваше здоровье, мадам Лялька! — сказал Генка.

— Поможет, как думаешь? — спросил Панаргин. Его грызла тревога, он не мог сдержаться. — Вот если бы помогло...

— Должно помочь, — сказал я. — Тебе бы помогло? Вот и ей поможет.

Слониха допила всё до конца и благодарно закрыла глаза.

Я сказал:

— Давайте тащите сена сюда, да побольше.

— Будь сделано, — сказал Генка и обернулся к Панаргину: — Пошли, что ли?

Панаргин скрылся, пошёл за сеном. Генка двинулся за ним. Я придержал его за плечо:

— Она теперь поспит. Слышишь? Ей надо укрыться потеплее, потому сена тащи, чтоб его по грудь ей было. Понял?

Слониха стояла и шамкала старушечьим ртом.

— Конечно, понял, дядя Коля, — сказал Генка. — Неужели же нет?

Из-за угла вышел мой старый цирковой друг Борис, за ним, конечно, следовал Жек, ещё один мой старый цирковой друг.

— Вот он где, — сказал Борис, — а мы ждём тебя.

— Куда столько сена? — строго спросил он у Панаргина.

Тот волочил на своей спине целую копну.

— Куда надо, — сказал я.

Панаргин сбросил сено у Лялькиных ног и стал его разбрасывать равномерными охапками. Видно было и Генку: он тащил сена поменьше, но зато бегом. Я вынул булочки из пакета и положил их на пол возле ног слонихи.

— Последишь, Генка, — сказал я. — Ладно? Главное теперь — тепло.

— Без него найдётся кому последить, —

сказал Панаргин ворчливо. — Только и света в окошке, что профессор Гена...

Я стал набрасывать Ляльке на спину сена и увидел, что ей хочется спать. Медленно и тяжело согнула она ноги и, убедившись, что на полу мягко и ей будет удобно, повалилась на бок. Мы стали укрывать её сеном.

— И попону можно, — сказал Борис, — делу не помешает.

Он обратился ко мне.

— Вот что, — сказал он, присев на корточки и тоже засыпая Ляльку сеном, — мы сегодня с Жеком совещались, чем тебя порадовать по случаю приезда. Решено: в первый же выходной день назначается чествование старого друга, друга юности, приехавшей знаменитости, в узком, но сплочённом семейном кругу. А сейчас ни ко мне, ни к Жеку нельзя: уже поздно, разбудим всех домашних. Так что гуляй до выходного! Приятных сновидений!

— Пока, — сказал я.

5

Моя гардеробная была без окон. В ней было совершенно темно, но я не стал зажигать свет, я и так отличнейшим образом нашёл свою постель. Цирк уже спал, тишина владела цирком, и только изредка ко мне сюда доносилось лёгкое весеннее погромыхивание, словно невдалеке собиралась освежаю-

щая первая гроза и для начала рассыпала по небу, раскатывала над полями первые громовые шары. Но это было не так; сейчас стояла осень, осенью гроз не бывает. И я отлично знал, откуда эти мощные звуки, долетающие сюда, под крышу. Я знал, что это Цезарь, царь зверей, старый, с plombированными зубами лев плохо спит, мучимый ревматизмом. Сейчас он, бедняга, наверное, уснул и ему снится ростовский цирк — там было тепло и там у него осталась знакомая сторожиха. Он тосковал по ней.

Я положил руки под голову и уставился в темноту. Спать я не мог. Но постепенно в моей голове закружились и смешались разные обрывки из детских представлений, ёлочных спектаклей и цирковых пантомим. Это я уже засыпал. А ведь думал не спать, и вот поди ж ты — засыпал несмотря ни на что.

Я лежал и представлял себе, как выступления пойдут одно за другим, а я буду всегда жить в цирке и никогда не уеду, потому что здесь высший смысл моей жизни. Сегодня и ежедневно.

Я надеваю парик, иду в манеж, дети смеются.

Я снимаю парик, иду в душ, сорок минут перерыва.

Я надеваю парик, иду в манеж, дети смеются.

Дети любят клоунов и слонов.

Я вскочил. Ну, сна теперь уже не будет. Я ясно вообразил себе, как спит сейчас под своим сеном несчастная, больная Лялька. Она лежит и зябнет, и дрожит, и тяжёлые хрипы в её груди делают своё страшное дело...

Ничего не видя, бежал я по цирку, представляя себе самые ужасные картины...

6

Ничуть не бывало! Слониха встретила меня стоя на ногах, с весело и задорно приподнятым хоботом! Она покачивалась взад и вперёд, словно разминая уставшие мышцы.

Увидев меня и сразу признав, Лялька торжественно трубанула. В эту минуту многие в ужасе заткнули уши — и животные и люди. Я подошел к ней, и слониха обняла меня хоботом за шею и притянула к себе. От неё пахло сеном и цирком. Я люблю её, я люблю этот родимый запах, поэтому я обнял её, широко раскинув руки, чтобы побольше захватить необъятного её лица.

Мы так постояли немного, обнявшись, потом Лялька повернула меня к себе спиной и несильно толкнула вперёд. Я вспомнил про булочки и поглядел на пол, куда положил их вечером. Булочек не было. Ни одной.

Я оглянулся и сказал:

— Ай, браво! Всё съела?

Лялька не обратила на этот вопрос ника-

кого внимания и снова хоботом толкнула меня.

В чём дело?

Я не понимал её и поглядел в ту сторону, куда двигала меня Лялька. Оттуда шёл какой-то запах. Я сделал несколько шагов и увидел ларь. Вот оно что! Я сразу всё понял и открыл его. Он был доверху набит свеклой и морковью.

Слониха хотела есть! Она была здорова и хотела есть! Как я сразу не догадался!

Я набрал корма и стал таскать его и складывать у Лялькиных ног. Она занялась едой. Всё было в порядке.

Я стоял с ней рядом, и она снова трубанула. Я сразу понял смысл этого короткого и полного звука:

«Пусть всегда пляшет удивительная кавалькада радости и счастья жизни!»

И я подумал ещё:

«Мы всегда идём впереди со своими хлопущками и свистульками, мы, клоуны, паяцы и увеселители, и рядом с нами прекрасные, весёлые слоны».

Дети любят клоунов и слонов.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый день	5
Сестра моя Ксения	12
Фантомас	20
Тройка по поведению	26
Дымка и Антон	32
Дениска размечтался...	36
Слониха Лялька	43